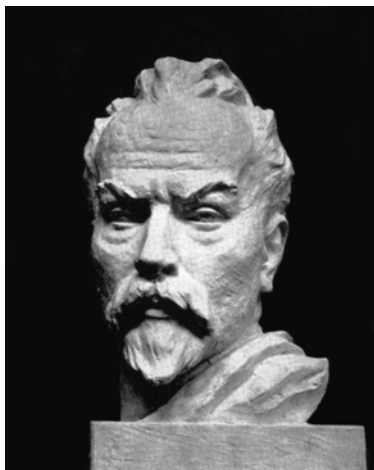

АНУШАВАН ЗАКАРЯН
Доктор филологических наук
«Историко-филологический журнал»

«ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ» В. БРЮСОВА (К 100-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ)

Созданный патриотическими усилиями Московского армянского комитета и преданностью В. Брюсова, бережно подготовленный к изданию сборник «Поэзия Армении» явился своеобразным *памятником* Геноциду армян. В те трагические исторические дни он призван был ознакомить русскую общественность

Валерий Брюсов
Раб. А. Саркисяна

с армянской поэзией – по характеру многовековой и новой, т. е. и шире – не только с литературой, с культурой, но и с историей.

Объемистая антология была бы неполной без сведений и объяснений развития истории и поэзии армянского народа. Они нашли отражение в «Историко-литературном очерке» – предисловии Брюсова под названием «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков»¹.

Мастерски изложенным очерком, берущим начало с раскрытия индоевропейских корней армян, восходящих к VIII–VII вв. до Р. Х., и подчерпнутыми у Марра фактами и выводами Брюсов констатирует, что армянство включает в себя чисто восточный урартский элемент вместе с западным фригийским элементом. Затем определенно утверждает: «Это подтверждается филологическим анализом армянского языка, показаниями античных историков, данными археологии, этнографии, географии и, наконец, свидетельством народных армянских преданий. Мы вправе поэтому рассматривать армянский народ, в самом его существе, как западно-восточный, одновременно – и азиатский, и европейский»².

Следует заметить, что в очерке чувствуется злоупотребление последним выводом³, однако продолжим. Таким образом, по классификации Брюсова,

¹ Очерк был переведен на армянский язык во многих местах достаточно вольно, порой неудачно, есть и непереведенные предложения и отрывки. Об этом подробно см. в сносках нашей статьи: **Закарян А.**, 2004, № 1, 81–109.

² Поэзия Армении..., 1916, 24.

³ Известные брюсовские взгляды на влияние азиатского и европейского, Востока и Запада на армянскую историю и культуру, выраженные в лекциях Брюсова в Закавказье, подверглись острой

влияния по очереди меняются: с VI по конец IV в. до Р. Х. – влияние иранизма, затем ассиро-вавилонское ... Как писал Страбон, «все святыни персов чтутся также и армянами», Ксенофонт же свидетельствовал: «Персидский язык... был настолько распространен в Армении, что его знали даже женщины»⁴.

Далее с конца IV до середины I в. до Р. Х. в течение трех веков – благотворными завоеваниями Александра Македонского укрепляется эллинизм, с определенным результатом, в дни Тиграна Великого и его преемников, выраженный в живописи, скульптуре, архитектуре: «Мы знаем, что ко двору армянского царя приглашались эллинские риторы, поэты, ученые, художники; что в столицах Армении, в придворном театре, исполнялись пьесы великих трагиков Эллады; что сын Тиграна Великого, царевич (впоследствии – царь) Артавазд II, сам писал драмы и стихотворения на греческом языке»⁵.

Затем Брюсов отмечает семитическое влияние – когда Тигран Великий и Артавазд II доходили в своих завоеваниях до пределов Иудеи и «нашли полезным переселить в свою страну значительное количество евреев (армянские историки уверяют, что до 100.000 семейств)»⁶.

Отмеченное семитическое влияние сменяется, начиная со II века до Р. Х., романизацией, когда Римская империя начинает брать под свою «тяжелую руку» многочисленные азиатские государства. Брюсов подчеркивает, что Армения длительное время сопротивлялась римскому влиянию, более того, отношения между ними бывали враждебными. И хотя в результате походов Суллы, Лукулла, Помпея, Антония, Корбулона и др. Армения ослабевает, а вследствие то враждебных, то дружеских отношений с Римом во времена Нерона культурные связи уже явно укрепляются. Брюсов следующим культурным влиянием упоминает и архитектурное влияние, в качестве доказательства указывая на храм Гарни. «Надобно предположить, что распространялось среди армян также знание латинского языка и римской литературы. По крайней мере несомненно, что армянские юноши, для окончания образования, стали ездить в Рим, как раньше ездили в Афины»⁷, – пишет он, прибавляя, что уже со времен царя Трдата в пределах древней Армении сохранились многочисленные лапидарные клинописные надписи (III век).

Поистине удивительно знание Брюсовым истории древней Армении – впечатление такое, что от его пытливого взгляда не ускользнуло хоть какое-то заметное событие. Особенно, когда речь идет о противоборствующих сторонах и драматических перипетиях, поочередно – политические ориентации и отношения Рима и парфян, Сасанидов, обостренные враждебными противоречиями. В связи с этим привлекают внимание плавные переходы Брюсова при подаче существенного и интересного для русского читателя. Так, если в отношениях Армении – парфяне, «Парфия не могла влиять на Армению в прямом смысле слова, но союз и общение с парфянами укрепляли в армянах традиционные, иранские

критике в периодической печати того времени [см.: Пайкар (Борьба, Тифлис), 17. I. 1916 (на арм. яз.), **Гукасян З.**, 1961, 218 (на арм. яз.); **Закарян А.**, 1984, 69–71 (на арм. яз.) и др.].

⁴ Поэзия Армении..., 1916, 25.

⁵ Там же, 26.

⁶ Там же.

⁷ Там же, 28.

элементы. Таким образом, в Армении, которая одновременно и романизовалась и влеклась к своему иранскому соседу, оба начала, Запада и Востока, развивались параллельно»⁸.

Именно так, с точки зрения и критического комментария Брюсова, под восточно-западными влияниями, обогащаясь, армяне своим бытом, языком, духовной жизнью вступают в христианскую эпоху, уже закаленные в долгой войне с Персией, верным союзничеством с Римом, что он и уверенно констатирует: «Связь Армении с Римом еще более усилилась, когда армянский царь Тиридат III Великий принял, со всем народом, крещение (295, 299 или 301 г.), и христианство стало официальной религией армян. Приняв христианство, которое глубоко проникло в душу народа, армяне окончательно связали себя с миром Запада, с христианским миром Европы»⁹. Русский поэт подтверждает и продолжает разговор вокруг влияний, в этом случае прежде всего Рима, вскользь обращаясь к сирийскому, затем – к византийскому и персидскому. И вместе с историческими экскурсами представляется создание Маштоцем и Сааком алфавита, последовавшее за этим развитие национальной литературы и языка в V веке, затем более бурное в VI и VII вв. – под сильным влиянием греческого, с переводами с него. И во всеуслышание и к сведению равнодушного мира, взывая к совести человечества, Брюсов отмечает: «... первый перевод книг Святого Писания был сделан на армянский язык ... Армяне переводят на свой язык громадное количество греческих книг: сочинения по философии, богословии, риторике, истории, грамматике и по точным наукам, как математика, астрономия, медицина, география и т. под. Весь этот период в армянской литературе носит название эпохи эллинистов»¹⁰.

С не совсем точными ссылками автор очерка обращается и к персидским отношениям, очень поверхностно – к арабским походам (VII – VIII – IX – X вв.), и к их влиянию. И вот очередь доходит до царства Багратидов, со столицей Ани и знаменитой архитектурой города, оценка которых Брюсовым так удивительна: «Эти две эпохи, – арабского владычества и царства Багратидов, – характеризуются решительным преобладанием в армянской жизни и в армянском искусстве восточных, азиатских начал. В архитектуре византийские формы, господство которых относится к VII – VIII вв., понемногу уступают влиянию арабского архитектурного стиля ... Мусульманское влияние сказывается и в некоторых чертах армянской миниатюры. В литературе распадается школа эллинистов ... Возможно, что в поэзию уже в эту эпоху проникают некоторые формы персидской и арабской лирики»¹¹.

Сразу же отметим: считаем просто некорректным спорить с Брюсовым, поэтом, наделенным чувством поэтического размера и слога, ритма, тональности, тем более по вопросам различения арабской и персидской форм. Вероятно, он прав. Но, в отличие от Запада восточно-мусульманские стилиевые «некоторые черты», превалирующие в архитектуре времен Багратидов, светские

⁸ Там же, 29.

⁹ Там же, 30.

¹⁰ Там же, 31.

¹¹ Там же, 33.

строения, включая храмы и миниатюры, неприемлемы и основательно отвергнуты научно. В частности, беспочвенно (в том числе и в наши дни) мнение тех исследователей, которые пытаются в структуральных формах армянской архитектуры видеть влияние арабской культуры. Наоборот, более ощутимо и очевидно влияние традиций армянской архитектуры на арабо-мусульманскую среду, обусловленное в основном вынужденным или добровольным участием армянских мастеров, строителей, архитекторов за пределами Армении – на территории халифата – в строительных работах – это касается особенно завоеванных арабскими мусульманами бывших христианских стран – Египта, Испании и т. д.¹²

Картина меняется с начала XI в., когда, противостоя тяжелым «ударам» – византийский, затем тюрко-сельджукский походы, падение Ани, – тем не менее удается обеспечить собственную независимость. Формируется Киликийское царство Рубинянов, во время которого уже, по утверждению Брюсова, «Армению ждал новый обновляющий приток идей с Запада». Следует обстоятельное, буквально восхищенное обращение Брюсова к царству Рубинянов, увенчанное перечислением связей Киликийского царства с Западной Европой: в 1198 г. папа Римский и германо-римский император присвоили царский титул Рубинянам; многочисленные браки; широкие торговые связи с Генуей, Венецией, даже с Лондоном через Крит. Причем сближение столь углубляется, что, подчеркивает Брюсов, киликийские государственные структуры совпадают с формами западноевропейского феодализма. Это вызывает недовольство Нерсеса Ламброняци, так как «население *заимствует у франков* любовь к благам временным...»¹³ и т. д.

Затем Брюсов наряду с Киликийской Арменией, хотя и поверхностно, обращается к Северной Армении, вместе с взаимоотношениями с Грузией Закарян-Долгоруких. Столь же мимоходом – к монгольским и турко-османским походам, кровопролитным войнам между Турцией и Персией в XVI, XVII и XVIII вв., в основном – на территории Армении ... Армения теряет независимость, и, как констатирует Брюсов, исповедуя европейские новые идеи, армянская культура переживает расцвет уже в армянских колониях – в Венеции, Вене, Амстердаме, Париже. Поскольку, как он пишет, «2-тысячелетняя культура, конечно, не могла погибнуть»¹⁴. А в начале XIX в. некоторые армянские области перешли «под скипетр России».

В этой общественно-политической ситуации в армянских колониях наблюдается новый культурный подъем – в духе европейских новых идей, первых армянских типографий и изданий. Ясно, что в очерке Брюсов руководствуется в постановке своих вопросов и ответов, имея в основе арменоведение своего времени.

Стержневым является вопрос ашхарабар – грабар, с которого и начинается Брюсов, констатируя победу ашхарабара в пользу процветающей литературы, с

¹² О взглядах В. Бартольда, Т. Тораманяна, Н. Марра, Т. Коптерева и др. на это влияние подробно см.: Шахкян Г., 2004, 100–107 (на арм. яз.).

¹³ Поэзия Армении..., 1916, 34.

¹⁴ Там же, 35.

другой стороны, различие языка – араратский и константинопольский – обусловленное раздвоенностью народа. Что и рассматривалось исторически влиянием Восток – Запад вот с таким заключением: «Если исторической миссией армянского народа должно признать искания синтеза этих двух извечно противоборствующих начал, то армянская литература должна отразить в себе этапы этих исканий. И, прежде всего, отразить эту борьбу разнородных элементов и первые попытки их гармонического примирения должна лирика, как голос народной души». Далее: «Двуединство армянского народного характера дает ключ к армянской народной поэзии»¹⁵.

И начиная с розы и соловья, по словам Брюсова, «народной сказки», «повидимому, весьма древнего происхождения», разбираются образы розы и соловья, затем опираясь на Мовсеса Хоренаци, Григора Магистроса, языческих богов ... Григория Просветителя – Христа, продолжает с полупротиворечивыми заключениями. Приблизительно такими — как и у всех народов, и в среде армянского народа народные песни из поколения в поколение забываются и, следовательно, необходимо, обобщая запавшие в память народа, самые близкие сердцу, дорогие и незабываемые, выделить и приводить не по отдельности, а те лишь, которые показывают народный дух.

Подобным выводом Брюсов по существу снижал долю влияния Восток – Запад. По сути, выделяя «естественный отбор» народа, причем избрав отправной точкой песню – веками обрабатывавшуюся, кристаллизовавшуюся. Следовательно, целый объемистый раздел в очерке включает лирические и духовные песни. От простых народных песен, со сравнением их дидактических признаков с песнями других народов – то немецких, то персидских, как: «При всей своей страстности, армянская песня – целомудренна; при всей пламенности, – сдержанна в выражениях. Это – поэзия, по-восточному цветистая, по-западному мудрая, знающая скорбь без отчаянья, страсть без иступления, восторг, чуждый безудержности...»¹⁶ и т. д. Причем, как в смысловом плане, так и по разнообразию песни считая лирику главенствующим видом устного народного творчества, Брюсов выделяет и критически показывает жанровые образцы, как, скажем, свадебные, колыбельные – в любом случае с особенными признаками, которые часто напоминают комитасовские смысловые начала. В отличие от ветви Давида Сасунского эпоса «Сасунские безумцы», которая представлена несравненно более кратко, как сохранившееся в народной памяти устное «повествовательное стихотворение»: к сожалению, вновь в дополнение к неуместной мысли о влиянии.

А письменная поэзия в Армении берет начало с создания армянского алфавита, не ранее V века. Вновь упоминаются св. Месроп и Саак, в широком кругу – Агатангехос и Бюзанд ... сразу с таким знаменательным пояснением: «Современная наука отказывается допустить, чтобы один и тот же век видел и самое рождение армянской письменности и ее богатое цветение, выразившееся в превосходном переводе Святого Писания (который одним западным критиком назван «царицей переводов») и в последовавшем затем «золотом веке» армянской

¹⁵ Там же, 36.

¹⁶ Там же, 38.

литературы»¹⁷. В дополнение Брюсов констатирует, что, вероятно, возможно мнение, что до месроповского существовал какой-то необработанный алфавит, или же летописцы писали на ином языке – греческом или сирийском. Так или иначе, первенство за греческим – и одновременно со Святым Писанием передались и христианские церковные правила и каноны, начиная от обрядового слова *патараг*, которое, как известно, является заимствованием из греческого. И по-сему, начиная с появления слова стихи и песни существуют в церкви в единстве и поныне.

Эти страницы историко-литературного очерка Брюсов изложил с подробными и интересными наблюдениями, кое-где с воодушевлением, особенно, когда обращается к сравнительному анализу эллино-греко-римских источников. Со специальными объяснениями и определениями — древний шаракан как «духовная песня», с продолжающимся веками и совершенствующимися видоизменениями: «В более древних преобладают стихи, впрочем не подчиненные определенной метрике; в более новых – кадансированная проза, богатая различными звуковыми украшениями (аллитерациями и т. п.)», – пишет Брюсов. Затем, ссылаясь на Н. Эмина, добавляет: «Исследователь... «Шаракана», Н. Эмин, отмечает, что в более древних песнях «читателя поражают – простота формы, ясность содержания, оригинальность образов и торжественность тона»¹⁸.

Итак, с продолжающимся комментарием простых песен – гимн ... В случае же Нарекаци Брюсов констатирует: «Но слава Григория Нарецкого основывается на сложенных им духовных песнопениях, которые справедливо называются «священными элегиями». И, наконец, без склонения слова «влияние», уверенно подтверждая гениальное звучание «Нарека», пишет: «Притом Григорий Нарецкий довел до высокого совершенства форму стихов, любовно культивируя «звукопись» задолго до того, как она расцвела в лирике персидской и арабской»¹⁹.

Переходя от Нарекаци к следующим – XI–XIV вв., Брюсов выделяет по ходу Нерсеса Шнорали, Нерсеса Ламбронати и Ованеса Ерзынкаци. Оценки высоки – равно от гимнов-шараканов к элегиям, поэмам и историческим страницам. Однако более воодушевляющими Брюсов считает проповеди армянскими буквами, проповеди, вдохновленные единством слова и музыки. Примечательно также, что раздел, посвященный Шнорали, завершается цитатой из Аршака Чопаняна: «А. Чобаньян справедливо называет Нерсеса Благодатного «одним из величайших поэтов церкви», и параллель его гимнам приходится искать в XIX в., у Верлэна, в его книге «Sagesse»²⁰ («Мудрость», 1881). А в заключение считает необходимым напомнить, что в антологии помещены в переводе несколько «лирических гимнов» и отрывки «Из Элегии на взятие Эдессы. I–VII».

Поистине, обращаясь к Киликийскому царству, Брюсов проявляет заметный «субъективизм», и после Шнорали, по справедливости, подробно останавливается и на Ламбронати: если в его стихах и «меньше непосредственного

¹⁷ Там же, 41.

¹⁸ Там же, 43.

¹⁹ Там же, 44.

²⁰ Там же, 44–45.

вдохновения», однако он «был один из образованнейших людей всей своей эпохи (XII в.). Он также оставил много сочинений, о которых современные ему европейские авторитеты отзывались с величайшей похвалой. Греки и «франки» называли его «вторым апостолом Павлом» и дивились его святости, мудрости и учености»²¹.

Далее в исторической хронологии автор очерка переходит к средневековой армянской лирике XIII–XVI вв. Она представлена частями: XIII–XIV и XIV–XVI вв., из которых первая, естественно, насыщена жестокими историческими событиями – когда Армения, по определению Брюсова, «... силою вещей, была отброшена к самым черным дням эпохи переселения народов», когда она теряет независимость. Потом в рамках тех же пределов упоминая духовные потери, Брюсов с восхищением продолжает: «И только для лирики наступила эпоха нового расцвета, богатой и щедрой жатвы того, что было посеяно предыдущими веками.

... Лирика армянского средневековья есть высшее и наиболее самостоятельное создание армянского народа в области поэтического творчества. От европейской поэзии армянская средневековая лирика не стоит почти ни в какой зависимости. Да и что могла дать лирическому творчеству западно-европейская поэзия XIII–XIV вв., еще только зарождавшаяся во всех странах, не исключая и передовой Италии?»²².

Итак, опровергая понятие «влияния», Брюсов утверждает, что «никакое благодетельное «влияние» не может создать искусства там, где нет его зерна».

Фактически этим обстоятельством и характеризуется армянская средневековая и ашугская поэзия, включая Саят-Нову. Начиная с XIII – XIV вв. Фрик, Ованнес Ерзнкаци и Константин Ерзнкаци – все они представлены в «Поэзии Армении» одним-двумя образцами, полностью или в отрывках, последовательно: «Жалобы. Отрывок», «Колесо судьбы» Фрика, «Гномические размышления. I–V» Ов. Ерзнкаци, «Весна» К. Ерзнкаци. Можно сказать – избранные страницы с творческими и биографическими справками и характеристикой, в любом случае тесно связанные с церковной поэзией предшествовавшего периода, – с существенной разницей в отражении современных, актуальных проблем. По сути переломно – эпохальные, прежде всего «дидактические стихотворения», нашедшие место в «Шаракане», т. е. «Гномических размышлениях». После этого поэзия Фрика, которую Брюсов также считает «дидактической», и, тем не менее, она уже смело обращается к «жгучей современности». С этой исходной точки он и останавливается на Фрике подробно, приводя также эти примечательные строки А. Чопаняна: «В то время как большинство древних армянских писателей ... приписывало, следуя примеру библейских пророков, бедствия, постигавшие Армению, наказанию за их грехи, Фрик восстает против самого Господа Бога и жалуется на Его несправедливость по отношению к армянскому народу»²³.

²¹ Там же, 45.

²² Там же, 47.

²³ Там же, 49.

Такими подчеркнуто-акцентированными строками Брюсов знакомит русского читателя с историей армянского народа – в созвучии с безысходной судьбой, но и с верой в воскрешение. Спасение народа – в многовековой культуре, с нетускнеющей славой, со все новыми поколениями светских поэтов. В этом ряду Брюсов, по справедливости, выделяет Константина Ерзнкаци – с его живым народным языком, светскими мотивами, в том числе любовными, которые впоследствии становятся одним из господствующих мотивов лирики. С этой именно исходной точки Брюсов выбирает – переводит поэму поэта «Весна», пронизанную «языческим духом», самопроизвольным взрывом естества. Более того, «По силе, по энергии стиха и языка, поэма сделала бы честь любой литературе Западной Европы того века, и Европе даже нечего ей противопоставить. ... она, всеми своими частями, принадлежит великому веянию Возрождения ...»²⁴, – пишет Брюсов.

Отступление и обход уже были исключены: светское русло лирики, по характеру и сути, отныне стало закономерностью. И по ходу XIV, XV, XVI вв. Брюсов перечисляет Аракела Багишеци, Мкртича Нагаша ... Ованнеса Тлкуранци, Ованнеса ... Григора Ахтамарци и других, которые усовершенствовали имеющееся своим влиянием и новаторством: Багишеци — аллегорическим содержанием, Мкртич Нагаш – своими наставлениями приводящий, вопреки традициям Фрика, к душевной мягкости, успокоению, христианским чистым чувствам. Словом, к тому, в чем нуждался лишившийся независимости народ.

Обращаясь к лирике Тлкуранци, Брюсов указывает на доходящую до культа любовь, вообще — на мотив любви, который М. Абегян рассматривал как «*жизнелюбие*» – «существенную черту» против ненависти и зловония «смерти»²⁵. Именно так перевел Брюсов помещенные в антологии стихи – под заголовками «Песня любви» и «К смерти».

Русский поэт обращается также к «мало кому известному» Ованнесу, от которого «Дошло до нас лишь *одно* стихотворение («Песня любви». – А. З.) ..., но этого достаточно, чтобы сохранить за поэтом самостоятельное место в истории лирики»²⁶. Затем, оценивая это стихотворение, Брюсов констатирует: «Таких криков подлинной страсти нет ни в сонетах Петрарки, жившего на столетие раньше, ни в любовных песенках Ронсара, писавшего вероятно, на столетие позже»²⁷. Более того, знаток мировой поэзии Брюсов продолжает: «...важно, что поэт нашел такие признания («О, сердце ты мое сожгла» ... и т. д.), которые вполне понятны стали лишь в наши дни, после того, как дали свои откровения и Альфред де Мюссе, и Гейне, и Бодлэр ... ».

Если биографические сведения о Тлкуранци скупы, а об Ованнесе и вовсе отсутствуют, то Григорис Ахтамарци представлен обстоятельно. Оценки высоки как с точки зрения светского содержания «поэм», так и изобразительного мастерства и композиции. Что касается характера Запад – Восток, то в разрезе христианской идеологии – западное, по образности – восточное, особенно по

²⁴ Там же, 50.

²⁵ Абегян М., 1970, 484 (на арм. яз.).

²⁶ Поэзия Армении ..., 1916, 53.

²⁷ Там же, 54.

признакам эпитетов, и Брюсов перечисляет таковые и пишет: «... прославляя свою милую, подыскивает десятки ярких уподоблений, сравнивая ее с солнцем, луной, утренней звездой, с драгоценными камнями, с благоухающими деревьями, с блистающими цветами, со всем, что прекрасно в мире»²⁸.

Обращаясь к другому поэту XVI в. – Наапету Кучаку, Брюсов прежде всего излагает различные мнения. Спорным в основном было мнение о близости и совпадении определенных выражений айренов с народными песнями – настолько, что Кучак считался «только собирателем народных песен», констатирует автор очерка, все же утверждая: «Но кто бы ни был исторический Наапет Кучак и на какие бы годы, точно, ни падала его жизнь (во всяком случае, он жил в конце Средневековья), – стихи его остаются прекраснейшими жемчужинами армянской поэзии»²⁹. Лирические жемчужины четверостиший – любви и скитальчества, которые выборочно для «Поэзия Армении» перевели Брюсов, Сологуб, Шервинский. И рядом с ними – известный «Крунк. Песня хариба», тоже спорный. Брюсов раскрывает скобки, сообщая, что, характеризуя Кучака, он опирался на Чопаняна, согласно которому Кучак, в отличие от Саади, Хафиза и даже Омара Хайама, бывшими придворными поэтами и служившими «сильным мира сего», не был таким: «Единственный султан, перед которым Кучак склонял голову, была его вечная и властная повелительница – любовь. А. Чобаньян предпочитает сравнивать Наапета Кучака с поэтами XIX века, с Гейне и Верлэном, и это справедливо»³⁰.

Затем следуют XVII–XVIII века – Еремия Кемурджян, Нагаш Овнатан, Степанос, троица, которой и зарождается ашугская поэзия. Вновь с нашедшими в сборнике песнями любви, на этот раз по характеру взаимной – «радость не только любить, но и быть любимым». Понятно, большая доля этой любви досталась и Нагашу Овнатану, его солнечным любовным песням. Брюсов их сравнивает с рапсодиями, народными песнями, о которых упоминал еще Хоренаци. «Армяне, этот «народ-художник», любили, чтобы все празднества сопровождалось песней. На семейных торжествах, вроде свадеб, крестин и т. под., в народных собраниях, просто на базарах и в кофейнях – певцы всегда были желанными гостями. Им уделяли почетное место на пире; их музыкальным инструментам (каманча, саз, тар и др.) отводили почетное место на особой полке; когда раздавалась песня, все смолкали, прислушиваясь внимательно»³¹, – пишет Брюсов. Затем добавляет, что многие песни ашугов забыты, исчезнув вместе с ними, за самыми редкими исключениями, и один из них «гениальный» Саят-Нова. По наблюде-

²⁸ Там же, 55.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, 57. Как известно, впоследствии, в результате скрупулезного исследования М. Абегяна, айрены были признаны как народное творчество, созданное не в XVI в., а гораздо ранее. «Крунк» со своими тремя вариантами считается сочинением неизвестного поэта [см.: Гусанские народные песни, айрены и антунни. Собрал, редактировал и снабдил введением, примечаниями и словарем засл. деятель науки, проф., д-р **Абегян М.**, 1940, 5–37 (на арм. яз.); **Мнацаканян Ас.**, 1956 (на арм. яз.); **Назарян Ш.**, 1977 (на арм. яз.); Сокровищница древней армянской поэзии, 2000, 903–905, 935 (на арм. яз.) и др.].

³¹ Поэзия Армении ... , 1916, 58–59.

нию Брюсова, наследуя неоцененные традиции предшественников, что приводило к забвению самой поэзии ученых-монахов, Саят-Нова доказал, что «армянская поэзия жива». Поэтому, приводит данные из исследования Ов. Туманяна, что Саят-Нова «псевдоним» Арутина и означает «царь песнопений» или «владыка музыки» (на хинди, который был широко известен в Передней Азии). Затем подробнейшим образом продолжает излагать биографию Саят-Новы, в том числе опираясь на нововыявленные Туманяном архивные материалы. Вплоть до трагической смерти в дни похода 1795 года персидского хана Ага-Махмута.

И действительно, великолепен анализ Брюсовым искусства Саят-Новы. Изучая почти всегда и везде строки признания в любви, воспевание любви Саят-Новы, кажущиеся на первый взгляд монотонными, Брюсов с восхищением замечает: «Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаяния к восторгу, от сомнения в самом себе к гордому самосознанию художника! Поистине Саят-Нову можно назвать «поэтом оттенков». Он, в XVIII веке, как бы уже исполнил завет, столетие позже данный Верлэном:

Pas la couleur, rien que la nuance!

Да, не надо ярких красок! *Истинный поэт* (подчеркнуто нами. – А. З.) дает читателю или слушателю перечувствовать все – лишь силою едва заметных переходов одного цвета к другому. Но как, в то же время, остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новы эти «оттенки»...»³².

Поистине, Саят-Нова был только что «открыт», и в 1916 г. в Тифлисе его стихи обрели широкое звучание. Посетивший в те дни Тифлис Брюсов, несомненно, имел удовольствие слышать стихи Саят-Новы в доме Туманяна, причем, возможно, в исполнении известного литературно-общественного деятеля Никола Агбаляна, которое считалось несравненным. Не исключено, что именно исполненные последним 12 стихотворений нашли место в «Поэзии Армении» в переводе Брюсова. Добавим также, что Брюсов перевел «Как дни зимы» и «В эту ночь» ашуга Дживани, написанные уже «литературным языком».

И именно отсюда, по следам исторических событий, в историко-литературном очерке очередь доходит до литературного языка – западноармянского и восточноармянского, который передается литературе без изменений. Брюсов справедливо, с точной ориентацией, начинает анализ нового направления и тенденций языка и литературы с западноармянских колоний – Венеции, Мхитара Себасти (1676–1749) и мхитаристов. С вековой деятельностью мхитаристов, – начиная со сбора всех далеких и близких концов исторической Армении, издания старых рукописей, составления словарей ... и главное, по твердой ориентации мхитаристов ашхарабар заменил классический грабар. Зная все это, Брюсов пишет, что Гевонд Алишан (1820–1901), постепенно преодолевая ложный классицизм, начал писать на ашхарабаре – константинопольским наречием. Более того, он «оставил много ценных научных работ, – по истории, археологии, географии и т. под. Но он был и выдающимся поэтом, стихи которого составили в общем 5 томов. В технике стиха Алишан достигал большого совершенства, и

³² Там же, 62.

его произведения до сих пор сохраняют любовь значительного числа читателей, как искренние и красивые вдохновения»³³.

По справедливости рядом с неоценимым наследием великого подвижника упоминаются и мотивы и жанры его поэзии, особенно нашедший место в антологии «Раздан» (пер. С. Шервинский), «в котором «вечная» тема поэзии – возвращение изгнанника в родной край, – оживлена и согрета сильным чувством армянина- патриота»³⁴.

В разделе антологии — «Новая поэзия. II. Поэзия турецких армян» – наряду с алишановскими традициями признанными представителями западноармянской «поэтической школы» Брюсов считает М. Пешикташляна и П. Дурьяна, подходя к ним с мерками и в сравнении с европейскими художественными течениями и исканиями нового времени. Упомянув Гете и Шиллера, Гюго и Мюссе, Байрона и Шелли, он подчеркивает, что народ, родивший первоклассную древнюю поэзию, не мог не усвоить европейские литературные достижения, что писатели новых времен просто *«не имели права»* быть только художниками: положение родины обязывало их в той же мере быть трибунами, глашатаями полужабытых истин, будить народное самосознание, живить и одухотворять любовь к родному краю, посильно врачевать многовековые раны нации, укреплять в ней силы для борьбы и поддерживать веру в лучшее будущее... Только помня эти великие задачи, из которых ни одной нельзя было пожертвовать, можно справедливо оценить сделанное Пешикташляном, Дурианом, Патканьяном, Шах-Азизом и др. «зачинателями», сумевшими пребыть и истинными поэтами»³⁵.

С этой же исходной точки и с теми же мерками Брюсов характеризует суть как западноармянской, так и восточноармянской поэзии и литературы новых времен. И в первую очередь он характеризует «ученика Алишана» – Пешикташляна, с биографическими данными, характеризуя как поэта «родины, любви и природы». Из его стихотворений в антологии помещены пять³⁶. Отмечает и влияние Гейне и Мюссе, а также «других», в основном французских поэтов.

По характеру однозначно отличающимся считает Брюсов П. Дурьяна, романтика и по убеждениям, и по природе, пламенной любовью и служением миру, во имя родины, во имя самоутверждения даже против бога – сколь личной, столь же и общечеловеческой чистейшей душой и чувствами. В итоге следует высочайшая оценка рано умершего поэта: «Юноша Дуриан остается в истории армянской поэзии как яркий, огненный штрих: среди других, более спокойных поэтов, он показал, что значит в творчестве «темперамент», сила непосредствен-

³³ Там же, 66.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, 67.

³⁶ В очерке отмечено *восемь* (там же, 68). Ошибка не исправлена и в последующих изданиях. Примечательно, что Брюсов перевел только одно – «К зефиру Алемдага». «Старик из Вана» перевел В. Ходасевич, следующие три – «Мы – братья», «О, милая мать!» и «О, как нежно и прохладно», т. е. известную «Весну» – Е. Сырейщикова. Возможно, трудно было перевести.

ных переживаний, часто не только заменяющих «школу», «технику», но безмерно возвышающихся над ними...»³⁷. Констатирует и тонкое мастерство при создании строки и куплета, почерпнутое предпочтительно из французских поэтов — Гюго и Ламартина.

Заметим также, что в то время как в части собственно переводов в разделе «Новая поэзия» вначале представлена восточноармянская поэзия, затем западноармянская, в историко-литературном очерке наблюдаем обратное. По справедливости и корректно перечисляются поэты и писатели XIX в. — с 1825 по 1875 гг. — Галфаян, Аджемян, Русинян, Церенц ... Мамурян, Отян, Паронян, Темирчипашян ... и др. Многие из них — одаренные поэты, которые, заимствуя при переводах, в большинстве случаев из французских поэтов — Гюго, Мюссе, Ламартина и др., анализируя и обрабатывая различные поэтические мотивы и жанры, с особой любовью — сонет, обогатили армянскую поэзию.

Именно отсюда Брюсов переходит к «русскоармянской школе», естественно подчеркивая ее более позднее, по сравнению с мхитаристами, появление. Если они в XVIII в. на Западе уже имели сформировавшуюся литературу, хотя и на «мертвом» габаре, в «русскоармянской» среде она созревает, в середине XIX в. Правда, при том, что в западноармянской действительности также пытаются писать на константинопольском диалекте. Совпадение, по мнению Брюсова, было закономерным и ознаменовалось победой разговорного «араратского наречия» живущего на своей земле народа, т. е. увенчалось созданным в 1840-х гг. Х. Абовяном бессмертным романом «Раны Армении». Затем появляются основанные в 1850–1851 гг. в Тифлисе Г. Патканяном «Арагат», в 1858 г., в Москве, Ст. Назарянцем и М. Налбандяном «Северное Сияние» («Юсисапайл»), с 1872 г. издающийся в Тифлисе «Мшак» Г. Арцруни и другие периодические издания (газеты и журналы).

Таким образом, по Брюсову, постепенно утверждается путь ашхарабара. Главенствовала проза — с романами П. Прошяна и Раффи, появляются «превосходные бытовые драмы» Г. Сундукяна, написанные на тифлисском диалекте. Что и говорить, «бытовое» — не то слово, и необходимо было прямо зафиксировать социально-общественную суть произведений всех троих. Существенно то, что первоочередным-стержневым было как человеческое общество, так и литература «нового века». Как бы то ни было, удовлетворимся точным определением Брюсова, согласно которому творчество как Раффи, так и Сундукяна удостоилось теплого приема в кругах широкой общественности, и перейдем к «новой поэзии» в лице Рафаела Патканяна и Смбата Шахазиза.

Жизнь и деятельность Р. Патканяна Брюсов начинает с рода Патканянов — с преданной нации деятельности питомца Конгрегации мхитаристов Керовбе Патканяна в Нор-Нахичевани, которую продолжают развивать сыновья — в Тифлисе, Петрограде, Москве, где и учится поэт в Лазаревском институте, слушая лекции в Юрьевском университете. Приводятся разнообразные биографические сведения: достойно упоминания издание в 1855 г. вместе с товарищами первого сборника стихотворений под псевдонимом Гамар-Катипа, который выделяется

³⁷ Там же, 69.

эпиграфом из Карамзина: «пиши так, как говоришь, и говори так, как пишешь». Затем и признание, пришедшее вместе со стихотворением «Слезы Аракса», желание быть похороненным в Эчмиадзине...

Заметим, что в антологии Р. Патканян представлен 10-ью образцами – стихотворениями, в том числе, в переводе Брюсова. Поэтому интересна и обобщающая характеристика творчества поэта: «Значение поэзии Патканьяна трудно оценить в полной мере читателю не-армянину. Ее основная сила в чувстве высокого патриотизма, в той огненной и бескорыстной любви к родному народу, которая выражается не в одних дифирамбах, но и в горьких сатирах. ... его не ослепляет любовь, он видит грехи и язвы родного народа, но, вместе с тем, знает, за что его любит и что в нем любит. Это – патриотизм действенный, обязывающий не к безличным восторгам, но к решающим поступкам ... »³⁸.

По сложившемуся впечатлению Брюсова, своим человеческим и творческим характером — Шахазиз антипод Патканяна. Однако и по деятельности, и по поэзии он также в первую очередь учащийся «учитель». Окончивший Лазаревский институт, Шахазиз всю свою жизнь преподавал в том же учебном заведении армянский язык, писал статьи, по характеру риторические, стихотворения, которые с любовью декламировали и пели в школах. Обобщая характеристику на пяти образцах (в том числе отрывок из поэмы «Скорбь Леона»), тем не менее Брюсов считает «действительно, очаровательным» «Сон» (пер. В. Брюсова).

Затем обобщает и так называемый раздел «зачинателей» — и, что главное, констатирует историческую роль и значение «западноармянской школы» поэзии. Брюсов обращается к поколению следующих за «зачинателями» поэтов вот с такой заявкой: «Однако, подлинное раскрытие всех богатств, заложенных в армянской поэзии, суждено было только следующему поколению, — поэтов, родившихся в 60-х годах XIX в. и, следовательно, выступивших на литературное поприще в 80-х и 90-х годах. В истории всех литератур известны такие эпохи, когда для поэзии вдруг наступает время цветения, словно для вишневого дерева с наступлением весны. Такую эпоху и пережила поэзия «русских армян»³⁹, и с конца XIX в. один за другим последовали Иоаннисиан, Цатурян, Туманян и Исаакян.

Упоминается учеба Иоаннисиана в Московском университете, переводы из русской поэзии, преподавание в Эчмиадзинской академии, в Тифлисской семинарии, изданные сборники, при знании мировой литературы рождающий высокий художественный вкус, ставший лидером «новейшей фазы» новой армянской поэзии: «Иоаннисиан словно ставил себе задачей — указать все пути и дать все образцы лирики. Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье, — все эти и другие основные формы лирики были любовно и тщательно культивированы... Он, с большим вниманием, ... отнесся также к технике своего искусства... Выдающейся особенностью поэзии Иоаннисиана является ее близость к народной песне»⁴⁰. Перечисляя «Рождение Ваагна», легенду об Артавазде⁴¹, народную песню «Араз» и др., заключает: «Конечно, это —

³⁸ Там же, 72–73.

³⁹ Там же, 76.

⁴⁰ Там же, 77.

⁴¹ В очерке ошибка — «легенду о царе Арташесе» (там же, 77). В последующих изданиях она исправлена только в 1-й книге «Брюсов и Армения» (1988, 342).

одна из высших наград, о которой только может мечтать поэт. В этом смысле, Иоаннисиан, поистине, поэт национальный. Между прочим связь новой поэзии с народной – характерна вообще для всей школы «русских армян». И в том же духе: «Ту же близость к народной поэзии находим мы в творчестве Туманяна и Исаакяна»⁴².

К сожалению, историки литературы наших дней порою этому переходному звену, ознаменовавшемуся творчеством И. Иоаннисиана, не придают должного значения. Между тем в литературной среде своего времени это было признано закономерной оценкой, которую подтверждает и Брюсов.

...Затем Брюсов характеризует все туманяновские жанры: поэмы, на примере «Ануш», – с колоритными описаниями народной жизни, баллады, стихотворения, – везде с «редким» природным чувством ритма и звукописи искусством, упоминает сказки – с увлекательным детей остроумием, переводы из Пушкина, в которых «пленяет изумительное проникновение в дух оригинала, способность угадать самую сущность переводимого произведения»⁴³.

Брюсов переходит к Исаакяну, который по возрасту был на 10 лет моложе Иоаннисиана и на 6 лет – Туманяна. Вновь с биографическими ссылками: неоконченная Эчмиадзинская академия, работа в Венском музее, одновременно вольнослушатель в Лейпцигском университете, частые поездки за границу. В результате близких сношений с европейскими литературными кругами – благотворное влияние «символистического движения», завоевавшего всю литературную атмосферу, которое, однако проявилось в его творчестве с точки зрения мировоззрения, но никак – литературной программы. Что до поэтического характера – насколько поэзия Иоаннисиана серьезна и спокойна, Туманяна – страстна и радостна, настолько же стихотворения Исаакяна «страдальчески спокойны и порывисты». Далее, обращаясь к его творчеству, Брюсов делит его на две группы. Первая – созданные с большим мастерством в духе народной лирики стихотворения, «Другую половину в творчестве Исаакяна образуют его рефлексивные стихотворения и его большая поэма «Абул Ала Маари», в которых особенно явно сказывается влияние символического периода литературы»⁴⁴. И продолжает объяснение-оценку, т. е. характер символистского искусства: «Здесь Исаакян выступает как один из европейских поэтов, ставя себе те же или сходные задачи, разрешить которые стремятся и лирики других народов, – французские, немецкие, русские... По этим стихам можно судить, какого большого мастера имеет армянская литература в лице Аветика Исаакяна. Впрочем, характерно все же, что героем его основной поэмы избран *арабский* поэт и что вся она насыщена роскошью и негой Азии. Элементы Востока и здесь торжествуют свою победу в создании представителя школы «русских армян», как элементы Запада господствуют везде в творчестве представителей школы «турецких армян»⁴⁵.

⁴² Поэзия Армении..., 1916, 77.

⁴³ Там же, 79.

⁴⁴ Там же, 80.

⁴⁵ Там же.

В историко-литературном очерке, с краткой характеристикой, Цатурян следует за Исаакяном (с определенным нарушением хронологии). Обычно избегающий и обходящий общественные вопросы, Брюсов, говоря о Цатуряне, констатирует: «Воспитанный в тяжелой школе жизни, сам пробивавший себе путь, Цатурян теснее связал свою поэзию с вопросами общественными, которым посвятил значительную часть своих стихов ...»⁴⁶. А эту судьбу, конечно, имели все армянские писатели нового века. Заметим, что в очерке упоминается и переводческая деятельность Цатуряна – весомое число переводов, в основном из русских и европейских поэтов.

Рядом с наиболее «видными» поэтами не забыты и другие: относящийся к школе Туманяна Д. Демирчян представлен отрывком из «прекрасной» исторической поэмы «Ленк-Тимур», упоминается также принадлежащий к той же школе В. Миракян с поэмой «Охота Лалвара». Затем, «оставляя в стороне» других, Брюсов выделяет Ш. Кургинян: «... после первых опытов, в духе Исаакиана, обратилась к идейной поэзии в духе правоверного марксизма. В этом отношении Кургинян представляет собою характерное явление в армянской поэзии. В стихах Кургиньян есть одушевление, и ее поэзия в нашем сборнике представлена»⁴⁷. Пишет, объективно упоминая отдавшего предпочтение тому же «пути» Акопа Акопяна.

Таким образом, завершая характеристику восточноармянской поэзии новых времен, автор историко-литературного очерка в трагические, тяжелые дни Геноцида армян, обращается к западноармянской поэзии. С первого же абзаца подчеркивает связи с западноевропейской, в частности, с «французской» «парнасской школой», представляя таким образом характер и сущность «школы». А именно: «школа» в первую очередь требовала «безупречности формы и отрешения поэта от своей личности, – исчезновения поэта за создаваемыми им образами. Направление «парнаса», во всех литературах, усвоивших его, всегда вело к известной холодности творчества, но зато способствовало развитию пластики в поэзии и доводило до высшего совершенства технику стиха»⁴⁸. Поэтому в случае с армянскими поэтами спасительным элементом рассматривается любовь к родине, которая согревает и вселяет жизнь в их «парнасские» создания. В конце концов Брюсов находит, что следуя «парнасским» заповедям, западноармянские поэты, конечно, дали армянской литературе множество ценных и прекрасных образцов. Однако «такое очарование исчезает для читателя другой нации, который может знакомиться с этой красотой... в стихах своих поэтов... » и затем: «В частности русский читатель – и те «вечные» темы, которые столь охотно и успешно разрабатывает школа «турецких армян», и ту «безупречную» красоту формы, которой достигает она в своих лучших созданиях, – знает и по стихам русских поэтов и по творчеству французских парнасцев. Вот почему в нашем сборнике поэзии «турецких армян» уделено меньше места, нежели «русских»,

⁴⁶ Там же, 81.

⁴⁷ Там же, 83.

⁴⁸ Там же.

хотя мы и высоко ценим отдельные произведения западных армянских поэтов»⁴⁹, – считает автор очерка.

По нашему мнению, как свидетельствами, так и пояснительным экскурсом это весьма спорное обоснование В. Брюсова можно представить вообще при обсуждении взаимоотношений литератур всех народов.

Далее, развивая свою мысль в том же направлении, Брюсов находит также, что соответствующих преемников не имели ни Пешикташлян, ни Дурьян и, поскольку он не знаком с деятельностью и поэзией Темирчипашяна, тем не менее может сказать, что по сравнению с поколением Иоаннисиана, Цатуряна, Туманяна и Исаакяна несравненно слабее поколение западных армян – Сипил, Шанта, Чопаняна, Малезяна, Текеяна. И, продолжая, дополняет: «моложе их, но примыкает к ним по характеру своей поэзии – Мэцаренц. Однако, из ряда этих поэтов ни один не создал своего цельного «мира», какой открывается, напр., в творчестве Туманяна. Все они к тому же исключительно лирики и чуждаются слишком обширных замыслов и всеобъемлющих задач»⁵⁰. Уже наличие в вышеотмеченном поколении хотя бы только Шанта может вызвать сомнение в справедливости дифференциации Брюсова. Однако он тут же продолжает изложение именно Шантом, оценивая его как философа - лирика, под влиянием помещенных в сборнике двух стихотворений – «Ночной сторож» и «Философы» (пер. С. Шервинский). Одновременно вскользь замечает, что поэзия Шанта прекрасна в совершенстве гармонии формы и содержания. В новой редакции антологии В. Брюсов в ссылке дополнил характеристику Шанта, считая, что он более драматург, нежели лирик, и далее продолжает: «Его драмы очень замечательны: одна из них, «Старые боги», переведенная на русский язык, была истинным событием в армянской литературе и в любой – заняла бы почетное место, по интересности общего замысла и глубине характеристик; другая – «Император», также произвела впечатление при своем первом появлении на сцене (1916). Но как поэт Шант облюбовал себе ограниченное место автора философских раздумий. В этом роде Шант создал ряд стихотворений, глубоко продуманных и тонко исполненных. Особое очарование поэзии Шанта коренится в совершенной гармонии между формой и содержанием...»⁵¹ и др.

В очерке вслед за Шантом представлена Сипил [хотя в сборнике ее стихи «Ладан» (пер. К. Бальмонт), «Идеал» (пер. С. Головачевский), «В монастыре» и «Туча» (пер. В. Брюсов) помещены до стихов Шанта], которая, по Брюсову, своими сочинениями не уступает лучшим произведениям современной французской поэзии, и далее – стихотворения госпожи Сипил обладают какой-то своеобразной женственностью, редко встречающейся в армянской поэзии.

В поэзии Малезяна есть «задушевность» – и только. А вот уже следующей строкой он пишет: «и есть большое мастерство в строгих стихотворениях Мисака Мэцарэнца (род. в 1885 г.), скончавшегося рано и не успевшего развить свое прекрасное дарование». Всего три стихотворения нашли место в антологии в переводе Брюсова: «Ночь сладостна...», «На рассвете», «Сонет с кодою». (Под

⁴⁹ Там же, 84.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Поэзия Армении... , 1973, 89.

впечатлением стихов выше названных поэтов Брюсов констатирует: «В нашем сборнике поэзия Ваана Тэкяна представлена рядом переводов, как даны образцы и поэзии г-жи Сипил, Шанта, Малэзиана и Мэцарэнца. Стихи этих поэтов, как сходные по приемам с творчеством поэтов французских, легко, сравнительно, поддаются переводу, но вряд ли увеличение числа этих переводов соответствовало бы назначению нашей книги»⁵².

Действительно, как и в случае с Шантом и Мецаренцем – явлений, делающих честь литературе каждого народа, – Брюсов сильно преувеличивает влияние французских поэтов ... Но, не будем спорить. Тем более, что непосредственно следующий – Аршак Чопанян, которого Брюсов представляет с достаточным уважением такими строками: «Неутомимый деятель и плодовитый писатель, он оказал родной литературе неоценимые услуги» и перечисляет «неоценимые» заслуги перед родным народом и литературой: издал рукописи забытых писателей, избранное из народных песен и средневековой лирики в переводе на французский, издавал в Париже армянский журнал под собственной редакцией, посредством лекций знакомил европейских читателей и общественность с армянской литературой и культурой. Затем, обращаясь к его поэзии, пишет: «Стихи Чобаньяна, чаще всего перепев, иногда – талантливый, поэзии новых французских поэтов, особенно Бодлэра и Верлэна. В нашем сборнике представлено два стихотворения...» — и в переводе Брюсова помещены стихотворения «Вот и снова...» и «Марина».

Обобщая сказанное о школах «русских» и «турецких армян», Брюсов констатирует: первая – восточноармянская литература «продолжала и развивала традиции древней армянской литературы и сохраняла теснейшую связь с народной поэзией и народной жизнью. Вторая – совершенствовала технику и вводила в армянскую литературу идеи и принципы западных литератур, усваивая себе их новые завоевания»⁵³.

Эту теоретическую классификацию в другом плане или акценте Брюсов повторяет и в последующем, седьмом разделе историко-литературного очерка: «Наиболее видным деятелем среди молодых поэтов «русской Армении» должно признать Ваана Тэриана»⁵⁴. Далее упоминается издание его первого сборника, т. е. «Грезы сумерек»⁵⁵, которым поэт уже был признан «величиной», хотя и были разные мнения. Затем Терьян рассматривается как «ученик символистов», который пытается усвоить из европейской поэзии (особенно русской и французской) все то, что ускользнуло из поля зрения армянских поэтов, а именно: ритмы и рифмы. Придается значение и высококлассным переводам из русских и французских новейших поэтов. И однако, по мнению Брюсова, Терьян по сути и мировоззрению родственен истинно «русско - армянской» поэзии. Выбранные для сборника 10 стихотворений в большинстве своем, даны в переводе Брюсова.

⁵² Поэзия Армении..., 1916, 85.

⁵³ Там же, 86.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ В очерке (там же, (86) год издания «Грезы сумерек» приводится 1905-й, точный – 1908 г. В последующих изданиях ошибка исправлена только в 1-й книге «Брюсов и Армения» (345).

Брюсов вкратце останавливается и на «молодых поэтах», в частности, «продолжателях ... дела» Терьяна – Тер-Мартirosяне и Лейли, за которыми следует необходимость ссылки⁵⁶.

Начиная с этой точки, Брюсов повторяет вышеустановленную закономерность: если терьяновская школа своими последователями стремилась к поэтической «строгости техники», то западноармянские поэты привержены широкому, глубокому «содержанию» – «особенно заметны» в этом смысле Даниел Варужан и Сиаманто. Естественно, однотипные творения и должны были быть выбраны и помещены в антологии. Перечислим их, начиная с В. Текеяна, который, однако, по характеру традиционен: В. Текеян: «Лампада Просветителя. Сонет» (пер. Е. Выставкина), «Армении» (пер. ее же), «Тебя мы чтим...» (пер. К. Липскеров), «Падучие звезды» и «Песня об армянском языке» (пер. Ю. Балтрушайтис). Сиаманто представлен тремя творениями, все в переводе С. Шервинского, а именно: «Мои слезы», «Родной источник», «Горсть пепла». Он же перевел из трех сочинений Варужана два: «Письмо тоски» и «Курящаяся лампада», третье – «Колыбель армян» перевел Брюсов. Хорошо известные стихотворения, в которых Брюсов подчеркивает неоспоримое влияние «мощного» творчества Эмиля Верхарна как на Варужана, так и на Сиаманто как символистов. Под этим влиянием их творчество, отдаляясь от соблазна ограничения «символами», резко приближается к жизни, вливается в ее водоворот. И в качестве основного свидетельства влияния констатирует: «Даже в форме стихов и Варужана и Сиаманто, в неравномерных строках их поэм, чувствуется влияние французских «верлибристов», – того же Верхарна, Вьеле-Гриффина и др.»⁵⁷.

Однако комментарий прерывается болью по поводу гибели (хотя и сомнительной) «молодых поэтов» в начале «великой войны» и следуют наполненные искренней скорбью строки со следующим заключением: «Во всяком случае, и то, что уже сделано Варужаном и Сиаманто, достаточно для того, чтобы обеспечить им место в истории армянской литературы и уяснить общее устремление их поэзии»⁵⁸. Часть этого абзаца В. Брюсов в новой редакции антологии в ссылке уже дал в уточненном изложении, когда была известна жестокая реальность. Эти строки одни из первых констатируют факт чудовищного Геноцида армянского народа в лице Варужана и Сиаманто. Приведем этот отрывок целиком: «Особенно заметно это (созвучность с европейской поэзией. – А. З.) в стихах Даниэла Варужана и Сиаманто (псевдоним Атома Ярджаньяна), двух поэтов, которые, в расцвете сил, были отняты у армянской литературы великой войной, так как оба были убиты турками в дни массовых избиений армян... С Варужаном и Сиаманто сошли в могилу лучшие надежды молодой поэзии, но и того, что оба успели создать за свою краткую жизнь, достаточно, чтобы обеспечить им место в истории армянской литературы и уяснить общее устремление их поэзии». (Прим. ред.)»⁵⁹.

⁵⁶ «В новой редакции после этой фразы сделана следующая вставка: «Можно упомянуть и имя Константа Заряна, обратившего на себя внимание своими стихами об Армении в дни войны, появившимися первоначально в итальянском переводе». (Прим. ред.)» (см.: Поэзия Армении..., 1973, 92).

⁵⁷ Поэзия Армении..., 1916, 88.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Поэзия Армении..., 1973, 92–93.

Меткое наблюдение, поскольку именно так они продолжают сопутствовать истории армянской литературы и родного народа, представлять перед европейскими, русским и другими народами.

Обобщая свои мысли об армянской поэзии, В. Брюсов в заключение отмечает: «Мировую поэзию справедливо сравнивали с божественной арфой, для которой каждый отдельный народ служит как бы особой струной. Заставить свою струну звучать ей присущим, единственно ей свойственным звуком, отличным от других, и вместе с тем звучать так, чтобы ее голос гармонично сливался со звуками других струн, образуя единую мировую мелодию, таково самое, быть может, высокое призвание национального армянского поэта...»⁶⁰.

Издание «Поэзии Армении» явилось большим литературно-общественным, политическим событием. Почти во всех армянских и русских газетах, журналах видные литературоведы, критики, писатели, публицисты выступили с рецензиями, сообщениями, отзывами, письмами, в которых высоко оценили художественные достоинства, а иногда неточности переводов, замечания и недостатки сборника.

... «Поэзия Армении» поистине была «эпохальным» делом, она знаменовала собой новый важный этап связей русской и армянской культур. Брюсов явился популяризатором и пропагандистом культуры армянского народа, которому преданно служил до конца своих дней.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абегян М., Труды, 4. Ереван, 1970 (на арм. яз.).
Брюсов и Армения, кн. 1. Ереван, 1988.
Гуксян З., Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. Ереван, 1961 (на арм. яз.).
Гусанские народные песни, айрены и антунни. Собрал, редактировал и снабдил введением, примечаниями и словарем засл. деятель науки, проф., д-р М. Абегян. Ереван, 1940 (на арм. яз.).
Закарян А., Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). Ереван, 1984 (на арм. яз.).
Закарян А., Сборник В. Брюсова «Поэзия Армении». Критические заметки // ИФЖ, 2004, № 1, с. 81–109.
Мнацаканян Ас., Армянские средневековые народные песни. Ереван, 1956 (на арм. яз.).
Назарян Ш., Песня «Крунк» и ее история. Ереван, 1977 (на арм. яз.).
Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. В переводе русских поэтов под ред., со вступит. очерком и примеч. В. Брюсова. М., 1916.
Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. В переводе русских поэтов Ереван, 1973.
Сокровищница древней армянской поэзии. Текст подготовил к изданию Погос Хачатрян. Ереван, 2000 (на арм. яз.).
Шахкян Г., Архитектурно-строительная деятельность армянского народа в VIII – IX веках. Ереван, 2004 (на арм. яз.).

⁶⁰ Поэзия Армении..., 1916, 89.

ԱՆՈՒՇԱՎԱՆ ՉԱՔԱՐՅԱՆ
Բանասիրական գիտությունների դոկտոր
«Պատմաբանասիրական հանդես»

Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ «ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊՈԵԶԻԱՆ»
(ՏՊԱԳՐՈՒԹՅԱՆ 100-ԱՄՅԱԿԻ ԱՌԹԻՎ)

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ռուս նշանավոր բանաստեղծ ու թարգմանիչ, պատմաբան և գիտնական Վալերի Բրյուսովը Մոսկվայի հայկական կոմիտեի համապատասխան հանձնախմբի (Կ. Միքայելյան, Պ. Մակինցյան, Ա. Ծատուրյան) խնդրանքով՝ Հայոց ցեղասպանության օրերին՝ 1915 թ. հունիսի վերջին, ձեռնամուխ է եղել «Հայաստանի պոեզիան հնագույն ժամանակներից մինչև մեր օրերը» ժողովածուի համար հայ բանաստեղծների գործերը թարգմանելու և խմբագրելու աշխատանքներին:

Անթուրգիան ամբողջական չէր լինի առանց հայ ժողովրդի պատմության ու պոեզիայի զարգացման մասին տեղեկությունների և բացատրությունների: Դրանք իրենց արտահայտությունն են գտել ժողովածուի՝ հետազոտական լուրջ աշխատանքի արդյունք հանդիսացող «Հայ պոեզիան և նրա միասնականությունը դարերի ընթացքում» ընդարձակ պատմագրական ակնարկում՝ ժողովածուի ներածական հոդվածում: Այստեղ տրվում է հնադարյան ժամանակներից մինչև XX դարասկզբի հայ բանաստեղծության զարգացման ուղիների վերլուծությունը, ինչպես արևելահայ, այնպես էլ արևմտահայ պոեզիաների առավել նշանակալի երևույթների խոր և փայլուն բնութագրումը: Վ. Բրյուսովը հիացական բնութագրություն է տալիս հայկական պոեզիայի զանազան փուլերի զարգացմանը, նշելով, որ կան բանաստեղծներ, մի շարք ստեղծագործություններ, որոնք կարող են կանգնել արևմտյան գրականության նշանավոր անունների և լավագույն ստեղծագործությունների կողքին:

Խոսելով հայ բանաստեղծների գործունեության մասին՝ Վ. Բրյուսովը ջանում է գտնել նրանց առավել էական ու առանձնահատուկ գծերը, այս կամ այն բանաստեղծի ստեղծագործության հիմնական մոտիվները, գաղափարական բովանդակությունը, բնութագրել նրանց բանաստեղծական արվեստը, վարպետությունը, որոշել յուրաքանչյուրի տեղն ու դերը հայ գրականության պատմության մեջ: Նրա շատ դրույթներ, ելակետեր, գնահատականներ նոր խոսք էին ոչ միայն ժուռ, այլև հայ գրականագիտության մեջ: Բայց կան որոշ տեսակետներ, որոնք հնացել են: Խոսելով «մշակույթների սինթեզի», հայկական պոեզիայի վրա Արևմուտքի և Արևելքի, տարբեր ազդեցությունների մասին, Վ. Բրյուսովը միաժամանակ ընդգծում է, որ «հայ պոեզիան ի մի վերցրած» միշտ էլ մնում է որպես «ժողովրդական ոգու հարազատ հայելի», բանաստեղծը «միշտ երգում է իր ողջ հայրենիքի մեծ ցնծությունները և մեծ վշտերը, ... միշտ մարմնավորված են հարազատ ժողովրդի ապրումները», և դա հայկական պոեզիան դարձնում է յուրօրինակ, ինքնատիպ ու ազգային:

Հայոց բանաստեղծությունը համարելով ազգի «ազնվականության վկայական», հայ ժողովրդին էլ՝ «բանաստեղծ ժողովուրդ», Վ. Բրյուսովը շեշտում էր հայոց պոեզիայի համաշխարհային արժեքն ու հնչեղությունը, մի հանգամանք, որ գրական-մշակութային բացի, իր ժամանակի համար հայտնի չափով ուներ նաև քաղաքական կարևորություն:

ANUSHAVAN ZAKARYAN

Doctor of Philological Sciences

«Patma-Banasirakan Handes»

V. BRYUSOV'S «THE POETRY OF ARMENIA»

(TO THE 100TH ANNIVERSARY OF PUBLICATION)

SUMMARY

The outstanding Russian poet and translator, historian and scholar Valery Bryusov at the request of the appropriate commission of the Moscow Armenian Committee (K. Mikayelyan, P. Makintyan, Al. Tsaturyan) during the days of the Armenian Genocide, at the end of June 1915 initiated the work on translating and editing the works of Armenian poets for the collection «Armenian Poetry from Ancient Times till Our Days».

The voluminous anthology wouldn't be complete without information and explanations about the development of the history and poetry of the Armenian people. They have found their expression in the voluminous historical essay of the collection – in the introductory article named «Armenian Poetry and its Unity during the Centuries», which is a result of a serious research work. Presented here is the analysis of the directions of the development of the Armenian poem from ancient times till the beginning of the 20th century, deep and brilliant characteristics of more important events of both Eastern and Western poetries. V. Bryusov gives rapturous characteristics of the development of different stages of Armenian poetry, mentioning, that there were poets, a number of works, which could stand beside famous names and the best works of Western literature.

Speaking about the activities of many Armenian poets, V. Bryusov tries to find their more important and special features, main motives of work of this or that poet, ideological content, characterize their poetical art, mastership, determine the place and the role of each of them in the history of Armenian literature. Many of his propositions, views, estimations were new not only in the Russian, but also in the Armenian literary criticism. But there were viewpoints, that were old. Speaking about «the synthesis of cultures», different influences of the West and the East on Armenian poetry, V. Bryusov at the same time accentuated, that «Armenian poetry, on the whole», always stays as «an own mirror of popular spirit», the poet «always sings big triumphs and griefs of all his motherland, ... there are always embodied feelings of his native people», and it makes Armenian poetry original, peculiar and national.

Considering Armenian poem «a diploma of nobility», and Armenian people – «poetic people», V. Bryusov emphasized the worldwide value and sonority of the Armenian poem, a circumstance, which, besides literary-cultural, had, to a certain extent, political importance in its time.